

Қазақстан Республикасы
Білім және ғылым министрлігі
Ғылым комитеті
Ш.Ш.Уәлиханов атындағы
Тарих және этнология институты

ISSN 1814-6961

ОТАН ТАРИХЫ

**Вопросы генезиса культуры кочевников тюрков
Казахстана в ранний период развития**

УДК: 903/904 "65" (574) + 008 "04/14" (574)

Исторический процесс на рубеже двух тысячелетий способствовал формированию в кочевой среде новых культурных традиций, сложившихся в результате появления в степной зоне Евразии этносов с культурой, мировоззрением и идеологией, отличных от таковых периода раннего железного века. Вследствие этих коренных изменений у кочевников Казахстана произошел их переход в "русло тюркского этногенеза"¹. Поэтому, "археологические памятники этого периода (III в. до н.э. - I в. н.э.) имеет уже совсем иной облик"².

Однако в Семиречье смена приоритетов в кочевой культуре была представлена как "логическое завершение и развитие культуры VII - III вв. до н.э., а археологические памятники кочевников III в. до н.э. - I в. н.э., т.е., во время господства здесь усуней, связаны хронологически с памятниками сакской культуры"³. Именно эта идея непрерывности культурно-исторического процесса древнего населения Семиречья легла в основу последующих разработок исследователей, и термин сако-усуньская культура прочно вошел в научный оборот.

Вместе с тем, археологический материал из погребальных комплексов соответствовал дате II - V вв. н.э., а некоторые элементы декора сосудов были распространены как в посуде усуньского времени, так и на керамике тюркской эпохи⁴.

Отсутствие достаточной источниковедческой базы приводило А.Н. Бернштама к противоречивым выводам, но гений исследователя позволил ему высказать верную мысль о том, что "к рубежу, особенно к началу нашей эры, тюркоязычность была сравнительно широко распространена среди усунь"⁵. И... "в Семиречье, где были блестящие условия развития кочевого скотоводства, тюркский этногенез шел особенно интенсивно"⁶.

Изучение памятников усуней и последующее теоретическое обоснование вопросов хронологии раскопанных комплексов, их этно-культурная атрибуция проводились в рамках казахстанской и киргизской археологической науки. Зыбкость идеи о сако-усуньском культурно-историческом единстве отражают работы ученых, так и не пришедших к единому мнению относительно этнокультурной принадлежности памятников усуней.

По мнению одного из первых исследователей усуньских курганов К.А. Акишева, усуням принадлежали захоронения в подбоях или в грунтовых ямах, получивших рас-

пространении на территории Семиречья в период II в. до н.э. - I в. н.э.⁷

Е.И. Агеева, изучив погребальные комплексы, расположенные на территории Алматинской области, пришла к выводу, что усуньскими являются погребения с захоронениями в обычных грунтовых ямах или перекрытых деревом. Время бытования такого типа памятника хронологически укладывается, по ее мнению, в рамки III в. до н.э. - III в. н.э., а отдельные формы сосудов из усуньских курганов получили распространение в дальнейшем в период VI - VIII вв. н.э.⁸

В классификации Г.А. Кушаева хронология памятников сходна с описанной выше, но дробная периодизация имеет отличие. Усуньскими автор считает так же, как К.А. Акишев, захоронения, совершенные в подбоях и грунтовых ямах⁹.

Однако работы ученого на памятниках северо-восточного Семиречья позволили выявить некоторые особенности в развитии материальной культуры усуней и преемственность ее с культурой тюрков¹⁰.

По данным А.Г. Максимовой, усуньские могильники продолжают сакскую погребальную традицию, но изученные памятники юго-западного Семиречья, по материалам из раскопок, датируются I - III вв. н.э.¹¹

На территории Киргизии "основная масса грунтовых погребений из усуньских курганов распространена не ранее IV в., а также... усуней на этой территории были и позднее, вплоть до тюркского каганата VI - VIII вв."¹²

Памятники Таласской долины с захоронениями в грунтовых ямах, несмотря на наличие в составе инвентаря вещей, относящихся ко времени первой половины I тысячелетия н.э. были интерпретированы А.К. Абетековым как сако-усуньские и отнесены к культуре населения конца I тысячелетия до н.э.¹³ Но работы на могильнике Джаныш Булак привели автора к датировке этого усуньского памятника I - III вв. н.э.¹⁴

Попытка Ю.А. Заднепровского регионально классифицировать и теоретически обосновать весь комплекс кочевнических памятников рубежа эры и первой половины I тысячелетия н.э. не внесла в решение данной проблемы какой-нибудь ясности. С одной стороны, придерживаясь традиционного взгляда о сако-усуньской преемственности, автор сделал заявление "о принадлежности захоронений в катакомбах... усуням"¹⁵. С другой стороны, называя семиреченскую группу памятников "айгырджальской" и датируя ее I - V вв. н.э., исследователь пишет об отличии погребального обряда "пришлых... усуньских племен от обряда местного, подчиненного населения". Культурно в выделенную группу памятников, по мнению Ю.А. Заднепровского, должны быть объединены подбойно-катакомбные захоронения, не связанные генетически с

могильниками сакского периода¹⁶.

Недостаточно обоснованной "ни в известных фактах истории Средней Азии, ни в археологических материалах" было, по мнению А.М. Мандельштама, "отнесение некоторыми исследователями ранней группы усуньских могильников к III - II вв. до н.э., датировка и атрибуция которых нуждается в дополнительной проверке"¹⁷. К тому же А.М. Мандельштам был убежден в том, что "традиционное истолкование письменных источников о ранней истории усуней" соответствует исторической истине, так как "два разных источника свидетельствуют о том, что в первой половине II в. до н.э. усуней обитали не в Средней Азии, а где-то вблизи от восточной окраины Восточного Туркестана"¹⁸.

Ссылаясь на сложность проблемы, решение вопросов которой тесно взаимосвязано с самим ходом исторического развития, глобального по своему масштабу, необходимо иметь в виду, что этнокультурные интерпретации археологических памятников с позиции только одного источника не будут иметь успеха. Запутанность сако-усуньской проблематики - наглядный тому пример.

Значительный по своему объему археологический материал, накопленный за многие годы, требует критического осмысления в плане выделения в границах почти тысячелетнего периода истории, более ранних памятников и их соответствующей атрибуции. При этом необходимо помнить, что развитие культур древних этносов проходило в рамках единого процесса смены приоритетов в кочевой культуре, и на рубеже эры степной пояс Евразии находился уже под контролем новых политических объединений, название которых зафиксированы в источниках достаточно отчетливо: сюнну, юечжи (сарматы), усуней (асманы или ашина).

Так как появление новых черт в погребальной культуре населения Казахстана на рубеже эры стало соотноситься с формированием материальной культуры усуней, мы предлагаем вновь обратиться к источникам по их истории. На наш взгляд, в случае с усунями история предоставляет редкий для историка шанс рассмотрения проблемы с точки зрения двух независимых друг от друга источников и возможность решения проблемы генезиса культуры древнего этноса.

Сведения древних китайских хроник, содержащие информацию об интересующем нас племени, позволяют уточнить некоторые вопросы локализации племенного объединения усуней в ранний период их истории и вновь вернуться к проблеме миграции на территорию Семиречья.

В связи с первым упоминанием усуней в письменных источниках (176 г. до н.э.) летописи отмечают, что "шаньюй препоручил ему

(Гуньмо) назор за караулами при западной стене"¹⁹. Правдоподобность этой информации подтверждается данными о смежности границ сюнну и усуней. В описании земель Западного края (Восточного Туркестана), впервые изложенного в "Исторических записках", содержится указание на расположение "владений (городов с предместьями) от хуннов к западу, от Усуня к югу"²⁰. По данным поздних комментаторов летописей, в сведениях о караванных путях локализация усуней показана "под северными горами": "те, из которых (китайские посланники) пользовались южной дорогой, держались южными горами, которые пользовались северной дорогой, следовали северным берегом Тарим, все они находились на юг от границ усуней"²¹. Строки летописей о том, что "на востоке усуней общаются с сюнну", комментатор Сюй Сун уточняет следующими словами: "Земли усуней прилежали к южной стороне Тянь Шаня... смежны с сюнну"²². В связи с компанией 71 г. до н.э. дана еще одна географическая привязка, по которой общность границ сюнну и усуней не может вызывать каких-либо сомнений: "...правый (Лули) князь начальствовал и жил на западной стороне прямо против Шанцзюнь, это западная сторона владений сюнну, связанная (смежная) с Усунь"²³.

Изменение характера политических взаимоотношений Ханьской империи в начале новой эры также скрупулезно зафиксированы в хрониках: "...Западный край вознегодовал и отложился (17-23 гг. н.э.)..., в 127 г. вновь покорены Харашар, Куча, Яркян, Хотан, Кашгар, но усунь и владения, лежащие от Луковых гор на запад, отторглись совершенно"²⁴. В этот период в описании земель Западного края усуней имеют смежные границы теперь только с государством Заднее Чэши (Дальнее Цзюйпи)²⁵.

Именно потому, что усуней периода Хань локализовались к западу от сюнну, с южной стороны северных гор (Тянь Шань), а владения Западного края к югу от усуней, все сведения летописи обнаруживали этот племенной союз в пределах территории Восточного Туркестана, но уже в период с первых веков нашей эры известия об усунях носят не только отрывочный характер, но и появляется запись об их отторжении. Последнее может свидетельствовать в пользу локализации государства в другом месте, а новая информация о соседстве его с юебань на северо-восточных границах говорит о расположении обоих государств теперь уже на территории современного Казахстана²⁶.

Вероятно, зафиксированное в хрониках первоначальное местоположение усуней между Цилян Шанем и Дунхуань является достоверным, соответствуя легендарному периоду, когда оно было "небольшим владением"²⁷. Впоследствии, после поездки Чжан Цян в Усунь,

приблизительно в 114 г. до н.э., в источниках появляется новое определение, и вместо прежнего "владения Усунь" написано: "государство Усунь"²⁸. Летописи свидетельствуют, что "Гуньмо приложил попечение о поправлении состояния своего народа и подчинил окрестные небольшие города... и по смерти шаньюя Гуньмо со своим народом отделился и отказался от поездок в орду хуннов"²⁹.

Миграция усуней на описываемом этапе периода путешествия Чжан Цян произошла в пределах Восточного Туркестана и совпадает со становлением племени из небольшого владения в государство в конце II в. до н.э. - I в. до н.э. Отражением этого процесса и являются следующие строки: "Усунь считается одним из сильнейших владетелей"³⁰. Именно в это время усуньский племенной союз достигает наибольшего могущества и его сила становится необходимой Ханьской империи в решении политических проблем с соседями и для сдерживания агрессии хунну, постоянно угрожавшей Китаю с севера и северо-запада.

Одно из ярких политических событий I в. до н.э., касающееся взаимоотношений усуней с хуннами, канцзюй и Китаем, рассмотрено Ю.А. Зуевым на фоне важных исторических ретроспектив³¹. Заслуживающими внимание, в связи с действиями предводителя сюннских войск Чжичжи, в китайских летописях являются известия о том, что шаньюй северных сюнну, вторгаясь с писменными отрядами в земли Усунь и Даюань "вроде бы завладел этими двумя государствами, а на севере от напал на государство И-ле". По мнению Ю.А. Зуева, графическое сочетание И-ле является наиболее ранней транскрипцией названия реки Или. Фактическое существование государства И-ле, считает этот же автор, подтверждается и данными из "Истории династии Цзинь 265 - 420 гг.", составитель труда Фан Суанцинь пишет, что "Государство Канцзюй находится примерно в двух тысячах ли на северо-западе от Даюань, оно соседит со странами Суй и И-ле". А.К. Ширатори, касаясь вопроса локализации древней Согдианы и Кангхи, отмечал, что "И-ле означает название страны по нижнему течению р. Или"³².

Вероятность первоначального расположения усуней в районе озера Баркуль (Пулэй, периода летописей), по мнению М.В. Крюкова, подтверждается данными документов, найденных в развалинах ханьской крепости близ Лобнора. В одном из них сообщается "о чиновнике военно-земледельческого поселения, убитом разбойниками усунями"³³.

Следовательно, если, с одной стороны, в период II - I вв. до н.э. письменные известия локализируют племя усуней на территории Восточного Туркестана, отмечая при этом, что в Западном крае это наибольшее государство, а с другой - отчетливо фиксируют государство

И-ле по нижнему течению реки Или, остается лишь следовать историческим фактам. Факты утверждают невозможность расположения описываемого племени в период рубежа эры в долине реки Или. Вероятным временем миграции усуней в Семиречье является дата - первые века нашей эры. В самом начале I в. н.э. взаимоотношения Китая с Усунь продолжали ставшую уже традиционной связь на уровне "брачных контрактов" и обмена посольствами⁴¹. Но уже в это время отмечались факты откочевки усуней в сторону Семиречья: "Бихуаньчжи (один из престолонаследников Гуньмо)..., взяв до 80000 душ своих подданных, ушел на север в Кангюй..."³⁵. Точкой отсчета, достоверно зафиксированной в источниках и свидетельствующей о прекращении каких-либо контактов между Усунь и Китаем, необходимо, поверняка, принять указанную в хрониках дату - 127 год. А фраза: "Усунь отторглись совершенно", возможно, соответствует реальной миграции этого племенного объединения на земли Семиречья.

В связи с рассматриваемой проблемой необходимо остановиться также и на прочтении с древнекитайского самого этнонима усунь и титула Гуньмо. С иероглифической транскрипции чтение термина Гуньмо проанализировано целым рядом исследователей; обобщение и обзор различных мнений по этому поводу содержится и в работе Ю.А. Зуева³⁶. Расшифровка его из тюркской лексики как исходного от "кунь" + мо (князь) или "усуньский князь", по мнению автора, свидетельствует о существовании двусоставного термина кун-баг, который нашел отражение в титуле усуньского князя... В Хагьскую эпоху эта страна (страна усуней) называлась еще Большой Куньми (Кун-баг)³⁷.

Кроме чтения титула усуньского князя, свидетельство тюркской лексики отражает и сам этноним усунь. "Транскрипция у-сунь звучала в древнекитайском языке а-сман, означавший "небесный" в индо-иранском языке"³⁸.

В связи с историей усуней китайские хроники подробно описывают легенду о происхождении этого племени³⁹. Эта же легенда повторена в летописях в связи с описанием происхождения древнетюркского племени ашина. Удивительный параллелизм двух легенд, почти детальное совпадение основных черт повествования наталкивали исследователей на мысль об общих истоках, сохранившихся и переданных в генеалогических преданиях⁴⁰.

Этноним ашина... "безупречно сопоставляется с хотано-сакским "асана" - "синий", "небесный". Индо-иранское звучание имени в данном случае, видимо, не отражает этнической принадлежности его носителей и является, возможно, переводом некоего самоназвания. Поскольку принцип "переводимое - переводилось" действовал в древности достаточно

четко, его происхождение следует искать в причинах сакрального характера"⁴¹. В качестве подтверждения автор использует широко известные сообщения тюркских эпитафий и китайских источников о поклонении тюрков божеству Неба, считая появление индо-иранских обозначений тюрков "асман" и "ашина" кальками тюркского "кок" - "небо". Анализ легенд о происхождении усуней и ашина привел Ю.А. Зуева к мысли о том, что "предания относятся не к поркам как таковым, а к усуням. Иначе говоря, они является тюркской реализацией усуньского эпико-генеалогического материала, сохранившегося в нетронутом виде до VI в."⁴².

Вопросы общности генеалогических преданий рассмотрены Д. Синор, не исключавшего возможности генетического родства усуней и тюрков⁴³. Процесс зарождения и формирования тюркского этноса отражает мифологическая часть легенд, и в трех вариантах легенды происхождения тюрков, проанализированных исследователем, кроме людей выступают животные тотемы, благодаря которым идет становление эпосов: олень, волк, ворона. Функции этих животных различны, но каждый из них, в конечном счете, становится в ранг первопредка или "духа" - хранителя племени⁴⁴.

В легенде усуней присутствует "небесный дух" или само "небо", в лице птицы - вороны и волк. В тюркской легенде волчица спасает мальчика, а среди тамг ашина присутствует тамга - ворон⁴⁵.

Возможной параллелью и подтверждением легенд служит и "барельефное оформление Бугутской стелы, на главной части которой изображен волк (волчица) и фигурка человека, расположенная под его брюхом"⁴⁶. Надпись на Бугутской стеле является, по свидетельству авторов, единственным известным в настоящее время письменным памятником, составленным на территории первого Тюркского каганата⁴⁷. Воплощение легенды выражено и в символике атрибутов тюркских каганов, знамена которых увенчивались золотой волчьей головой, а телохранители назывались "волками"⁴⁸.

Изображение птицы на головном уборе памятника Куль-тегигу в Монголии, вполне вероятно, и является отражением древнего мифологического сюжета с присутствием в нем "небесного духа", спасающего первопредка⁴⁹.

Этнографические параллели, по данным исследований С.М. Абрамзона, можно проследить по тамгам киргизских племен бугу, мунгуш и сары багыш. Тамга "джагалмай" (джагалмай - название птицы) наносилась на некоторые предметы, на лошадей у племени кара багыш, у племени бори (ветвь адигинс) - бори тамгасы. Бори (бәри) - с тюркского означает волк. Изображение тамги племени ашина

имеет аналогию с одной из тамг у ветви адигине⁵⁰.

В дополнение к сведениям, полученным из летописей по ранней истории усуней-ашина, необходимо привлечь также данные археологии и антропологии из Восточного Туркестана. Археологическим институтом Синьцзяна в 1990-е гг. в округе Турфан были проведены раскопки могильников Субаши I, III, расположенных в трех километрах к югу от одноименного села. Всего на могильниках раскопано 39 курганов, из которых только одно погребение было совершено в подбое, остальные захоронения - в обычных подпрямоугольных грунтовых ямах. Погребальный обряд, инвентарь, керамика, украшения, наличие подстилок под погребениями, использование камня и дерева в устройстве погребальных камер, расположение сосудов в изголовье погребенного - все до деталей совпадает с культурным комплексом усуней Семиречья, известным по материалам погребальных памятников. Авторы раскопок датируют Могильники Субаши I, III, V - III вв. до н.э.⁵¹.

Археологические материалы из поздних погребений могильника Чжаосу (уезд Чжаосу), по данным радиоуглеродного анализа, датируются I - II вв. н.э. и принадлежат культуре усуней⁵². Антропологический материал из могильника Чжаосу, состоящий из 13 черепов, по мнению Хан Кансиня, близок антропологическим характеристикам усуней Тянь Шаня, которые представляли собой европеоидную расу памиро-ферганского типа. Однако исследователь отмечает, что этническая близость усуней Тянь Шаня с саками Памира подразумевает и близость к усуням Чжаосу: тем не менее, антропологические характеристики этих групп содержат больше отличительных черт, чем сходных⁵³.

В связи с исследованиями памятников усуней на территории Восточного Туркестана и доступностью материалов, опубликованных в различных изданиях, казахстанские усунские погребальные комплексы поддаются более точному культурному и хронологическому атрибутированию. Разрешение научной дискуссии на тему этнокультурного интерпретирования описываемых комплексов Западного (казахстанского) Туркестана представляется убедительным с точки зрения единых, исконно туркестанских истоков.

Изучение погребального обряда населения Семиречья показывает, что предположения ряда ученых о принадлежности усуням подкурганых захоронений именно в обычных грунтовых ямах больше всего соответствует исторической истине⁵⁴. Однако эта истинность станет вероятной и может быть принятой с условием уточнения хронологии памятников и атрибутирования их только как

усунских, без ссылки на исходный сакский компонент.

Поливариантность обряда, фиксируемая в погребальной культуре населения Семиречья на рубеже эры и в I тысячелетии н.э., является индикатором, указывающим на неоднозначность этнической ситуации эпохи. А эта неоднозначность подразумевает необходимость объективного подхода в вопросе интерпретации археологических памятников. Учитывая, что одним из возможных путей разрешения проблемы определения этнической принадлежности комплексов может оказаться постановка интерпретации их различных компонентов⁵⁵, в данной работе мы предлагаем обратиться также к сквозным элементам погребальной культуры, присутствующим как в курганах усуней, так и в памятниках древних тюрков.

Одним из аргументов в пользу идентификации памятников усуней и тюрков являются курганы, сооружения из камня. Описывая "типы могильных памятников, относящихся к тюркам в Семиречье", А.Н. Бернштам писал, что "...к ним принадлежат курганы с каменной насыпью и грунтовой ямой, перекрытой деревом... и что этот тип погребения перекликается с более ранними усунскими захоронениями"⁵⁶.

Раскопанные Г.А. Кушаевым древнетюркские курганы в долине реки Или конструктивно идентичны с усунскими: каменно-земляная насыпь, внешняя ограда, сложенная из камней, выкладка над могильной ямой, очерчивающая ее контуры. И только инвентарь позволил автору определить их хронологическую принадлежность к VI - VIII вв. н.э.⁵⁷.

Многолетние исследования О.В. Обельченко могильников в Придаргомской степи и изучение одновременных земляных и каменных курганов привели его к выводу о том, что "появление каменных насыпей в могильниках Согда в первых веках нашей эры совпадает с процессом тюркизации населения и указанием на влияние тюрков на согдийскую культуру и в III - V вв. н.э."⁵⁸.

Появление каменных курганов в Урало-Иртышском регионе в VI - VIII вв., по мнению С.Г. Богалова, характеризует черты нового историко-культурного комплекса, отражая I-й этап проникновения тюркских кочевников⁵⁹.

Курганный обряд Тувы эпохи древних тюрков VI-VIII вв. типологически соответствует канонам сложившейся погребальной традиции этого периода с той лишь разницей, что в погребальных камерах курганов стали погребать и коня⁶⁰.

Наши работы на могильнике Коржайляу, расположенном в Меркенском урочище Киргизского хребта, помогли выявить и понять истоки параллелизма усуньской и древнетюркской культур. В составе могильника находились 7 курганов усуньского времени и

несколько поминальных оград древнетюркского периода; в одной из раскопанных оград, в пристройке раскопано каменное изваяние. Раскопки кургана выявили усуньскую обрядность. Анализ материалов из изученных объектов и привел нас к мысли об единих истоках двух культур⁶¹.

Другим сквозным сюжетом, посредством которого возможно протянуть нити и проверить истинность наших предположений в пользу общности корней населения, представляющего тюркскую кочевую культуру на территории Казахстана с момента ее зарождения и расцвета в классическую форму в период Тюркского каганата, является не очень яркий и довольно незамысловатый элемент декора сосудов.

Это - овалы или подковообразные налеты на стенках сосудов, являющиеся характерным элементом ритуальной посуды, присутствующей в составе инвентаря памятников усуней Семиречья, и также широко использовавшихся в качестве украшения на керамике тюркской эпохи.

В кургане 180 могильника Шормак III выше левого плеча в изголовье погребенного находился сосуд типа горшка с ручками в форме овальных налепов, орнаментированных насечками и симметрично расположенных с четырех сторон сосуда⁶². Аналогичный сосуд найден в кургане 27 могильника Тасты булак, раскопанного нами⁶³.

В могильнике Караша I в кургане 25 в погребении 2 найден сосуд, близкий по форме, оформлению ручек и их количеству, и именно он послужил основным аргументом в обосновании даты могильника I-III вв. н.э.⁶⁴. Описываемый тип сосуда с ручками в виде овальных налепов характерен и для могильников Берккара, Кенсай⁶⁵.

Анализируя типы керамики из погребений, Е.И. Агеева пришла к выводу о том, что "в I-III вв. н.э. одновременно с посудой предшествующего времени появляются отдельные образцы, в числе которых были и сосуды с овальными налепами на круглодонных мисках. Эта посуда широко представлена в керамике тюркского времени"⁶⁶.

На территории Северной Киргизии "в одном из усуньских курганов Кочкорской долины находилась чаша с округлым дном, с подковообразным налетом, с косыми насечками по нему, характерная для тюркского времени"⁶⁷.

В кладовых Института Археологии в Алматы сохранилась целая коллекция сосудов описываемой формы, так и не получившая отражения в публикациях авторов раскопок. Основная часть коллекции была привезена Г.А. Кушаевым из раскопанных им могильников северо-восточного Семиречья. В отчете по итогам исследований ученый пишет, что "исследованные курганные погребения позволили выявить преобладание материальной культуры древних усуней и

тюрков"⁶⁸. Таблица, приложенная в конце этой статьи, наглядно демонстрирует форму рассматриваемого типа керамики и показывает ее культурную и хронологическую сопряженность.

Вопросы времени появления различных форм посуды необходимо рассматривать в комплексе с материалами из памятников оседло-земледельческого круга, так как локализация Семиречья предрасполагала к контакту с оседлым населением. Степень взаимодействия и взаимовлияния культур кочевнической и земледельческой наглядно демонстрируют материалы из памятников, расположенных на юге Казахстана⁶⁹. Семиреченская посуда из погребений, отдельные ее типы, в числе которых находятся и круглодонные миски с овальными налепами на стенке горшка, находят ближайšie аналогии в ранней керамике памятников бассейна р. Арысь Отрарского оазиса III - V вв., IV - VI вв. н.э.⁷⁰.

Погребальные памятники оседлого населения, отличаясь конструктивно от кочевнических сооружений, в составе сопроводительного инвентаря содержат типы керамики, близкой к семиреченским⁷¹.

Т.Н. Сенигова, изучавшая орнаментальные узоры на керамических сосудах из памятников Семиречья и Средней Азии VI - X веков, установила, что "наиболее простым мотивом узора являются овальные и округлые налеты, чередующиеся с насечками, нанесенными по краям или основанию ручек котлов". Этот мотив свидетельствует "о глубоких, традиционных связях орнаментального искусства Тараза с искусством кочевого мира местных племен"⁷².

Появление в городской керамике сосудов с ручками в форме овальных, полукруглых налепов отмечено в нижнем слое Пянджикента, в III - VI вв.⁷³.

Овальные формы ручек котлов, встречающиеся в памятниках оседлой культуры Таласской долины в VII - VIII вв., свидетельствуют о сродстве с кочевническими сосудами, так как близкие им аналогии "встречены на территории Южного Казахстана и в Чуйской долине"⁷⁴.

В джетыясарской керамике III-го периода среди сосудов I-й группы распространяется характерный мотив в виде "прикрепленного снаружи налипного валика с насечками"⁷⁵. Отмеченная особенность и некоторые другие новые черты в керамическом комплексе VII - IX вв. н.э., по мнению Л.М. Левиной, "позволяют проследить пути продвижения семиреченской культуры в сторону расположения джетыясарской, на запад"⁷⁶.

Керамика из курганных могильников Западной Ферганы не только показывает сходство отдельных типов посуды с семиречен-

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СОСУДОВ С ОВАЛЬНЫМИ НАЛЕПАМИ ПО ПЕРИОДАМ:

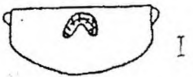
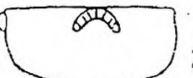
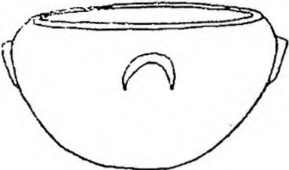

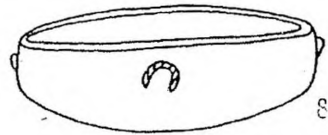
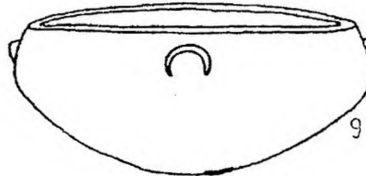
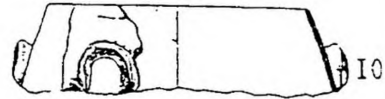
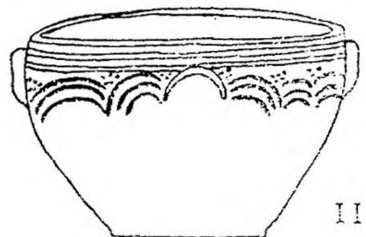
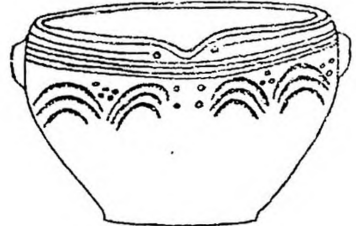
I-III вв.	IV-V вв.	V-VI вв.	VI-VIII вв.
 1 2 3	 4 5 6 7	 8 9 10	 II

Таблица распределения сосудов по памятникам Семиречья: 1-могильник Берккара; 2-могильник Кенсай (Максимова А.Г., 1962); 3-могильник Турганбай (Ахунжанов С.М., 1975); 4-могильник Шормак III (Агеева Е.И., 1959); 5,6,7-могильник Алакуль (Кушаев Г.А., 1966); 8,9-могильник Арасан (Кушаев Г.А., 1966, 1967); 10-могильник Тасты булак (Досымбаева А., 1995); 11-городище Мерке (Григорьев Ф., фонды ЦГМК).

скими, но имеет самые близкие параллели⁷⁷. И "различие с ферганской керамикой", считает Б.А. Литвинский, "состоит только в составе сырья". Время существования основной массы ферганской посуды относится автором ко II - IV вв. н.э., при этом оговорено, что "некоторые типы в мало измененном виде существовали и позже"⁷⁸. Семантическое толкование описываемого элемента декора сосудов не входит в круг проблем, рассматриваемых в данной работе. Необходимо только отметить, что появление символических ручек в форме овальных налепов на сосудах связано с культом барана, игравшего важную роль в воззрениях кочевников⁷⁹.

Сакральная связь барана с идеей человеческой души, с моментами перевоплощения нашла свое выражение не только в символике украшения различных предметов бытовой утвари. Сакральный характер барана был выражен также и в узаконении его как жертвенного животного⁸⁰.

Сопровождение умерших мясной пищей в виде задней части туши барана, находимой в погребениях в форме крестцовых позвоночников, в погребалью-поминальных памятниках усуней и древних тюрков является подтверждением этой идеи и общности взглядов в проведении ритуала похорон и поминок⁸¹.

Круг аналогий описываемому типу керамики показывает на существование данной формы сосуда в период I-й половины I тысячелетия н.э. и в древнетюркскую эпоху; культурно - принадлежность кочевому населению.

Следовательно, параллелизм культур, сходство источников, повествующих о формировании тюркского этноса, общность мировоззрения свидетельствуют об единых корнях усуней-ашина, становление которого происходит на территории Туркестана (в широком геопространственном понимании данного термина) в период с рубежа новой эры. Именно в этом историческом ракурсе правомерно предположение А.Н. Бернштама о том, что "Семиречье вышляется как узел, центр тюркского этногенеза... отсюда еще в первой половине I тысячелетия н.э. особенно интенсивно начали идти на запад племена, определившие пути и скорость тюркского этногенеза среди других областей, расположенных южнее и восточнее (Алтай и северотаримские оазисы), и что... тюркский этногенез завершен в VI-VII вв. н.э."⁸².

А. ДОСЫМБАЕВА

Қазақстандағы түркі көшпенділерінің дамуының ерте кезеңдегі жұртының мәдени генезисінің мәселелері

"Қазақстандағы түркі көшпенділерінің дамуының ерте кезеңдегі жұртының мәдени генезисінің мәселелері" атты мақалада б.з.д. I

мың жылдықтың соңы, б.з. I мың жылдықтың орта кезеңі арасындағы Қазақстан жеріндегі көшпенділердің жерлеу мәдениеті түрлерінің өзгеруі мәселесіне арналған.

А.Н. Бернштамның айтуынша, қарастырылып отырған кезеңде Жетісу өңіріндегі көшпелі халықтың бұл мәдениетінде күрделі өзгерістер бола қойған жоқ, ал үйсіндердің археологиялық ескерткіштері саяқ мәдениетінің аяқталуы екендігіне саяды.

Саяқ және үйсін дәуіріндегі мәдени-тарихи процестердің үздіксіз ламуын зеттеуге қазақстандық археологтардың көптеген еңбектері арналды.

Бірақ, археологиялық және этнографиялық мәліметтердің арасындағы кейбір айырмашылықтар ғалымдарды жоғарыда айтылған тезистің толық дәлелденбегендігіне жетелейді.

Тәуелсіз жүргізілген археологиялық, этнографиялық жұмыстардың ежелгі жазба деректері нәтижесіне сүйенсе отырып, мақаланың авторы саяқ-үйсін мәдениеттерінің арасында үздіксіз байланыс болғанына күмән келтіреді.

Aiman Dosymbaeva

Questions of the Genesis of the Culture of Turkic Nomads of Kazakhstan on the Early Period of the Development

Questions of the changing of cultural appearance of the funeral monuments of nomads in the Early Medieval Kazakhstan are researched in the article. Studying of the facts found in different sources such as: archaeological and ethnographic data and ancient Chinese writings, gives to the author good opportunity to criticize the unsound points of view of some scholars about Saka and Uisun cultural and historical unity. The creation of the Turkic El' was a result of the changing of the priorities in Nomadic culture dating from the Ist millennium BC till the Middle of the Ist millennium AD. Archaeological and historical facts, offered in the article, are the confirmation of this hypothesis.

¹ Бернштам А.Н. Основные этапы истории и культуры Семиречья и Тянь Шаня. - Советская археология, 1949. - № XI. - С. 361.

² Черников С.С. Некоторые закономерности исторического развития ранних кочевников // Центральная Азия в Кушанскую эпоху. - М., 1975. - С. 132, 135.

³ Там же - С. 355.

⁴ Бернштам А.Н. Памятники старины Таласской долины. - КазОГИЗ, Алма-Ата, 1941. - С. 11; Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь Шаня и Памиро-Алая. -

Материалы и исследования по археологии. - № 26. - М.-Л., 1952. - С. 24. - Рис. 100. - С. 239.

⁵ Бернштам А.Н., Историко-археологические очерки Центрального Тянь Шаня и Памиро-Алая... - С. 215.

⁶ Бернштам А.Н. Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии. - Советская этнография. - М.-Л., 1947. - С. 153.

⁷ Акишев К.А. Отчет о работе Илийской археологической экспедиции 1954 г // Труды ИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата., 1956. С. 28.

⁸ Агеева Е.И. К вопросу о типах древних погребений Алма-Атинской области // Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана. Алма-Ата. 1961. С. 35-36.

⁹ Кушаев Г.А. Культура усуней правобережья реки Или (III в. до н.э. - III в. н.э.) // Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата. 1963. С. 252-253.

¹⁰ Кушаев Г.А. Отчет Талды-Курганского отряда Семиреченской археологической экспедиции // Архив Института археологии. Алма-Ата. 1966.

¹¹ Максимова А.Г. Погребальные сооружения скотоводческих племен // Археологические исследования на северных склонах Каратау. Алма-Ата, 1962. С. 97-116; Максимова А.Г., Мерцпер М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары. Алма-Ата. 1968. С. 160.

¹² Кибиров А.К. Археологические работы в Центральном Тянь Шане. Труды Киргизской Археолого-этнографической экспедиции. М., 1959. С. 110.

¹³ Абетеков А.К., Баруздин Ю.Д. Сако-усуньские памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963. С. 31.

¹⁴ Абетеков А.К. Могильный Джаныш Булак // Кетмень-Тюбе. Фрунзе, 1975. С. 65.

¹⁵ Заднепровский Ю.А. Опыт региональной классификации погребальных памятников кочевников Средней Азии древнего периода (II в. до н.э. - VI в. н.э.) // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе, 1975. С. 167.

¹⁶ Заднепровский Ю.А. Семиречье, Тянь Шань, Фергана и Памир. Усуньский период // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 81, 84.

¹⁷ Мандельштам А.М. Заметки об археологических памятниках усуней // Культура и искусство Киргизии. Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции. Вып. I. Л., 1983. С. 46.

¹⁸ Мандельштам А.М. Заметки об археологических памятниках усуней // Древний и средневековый Кыргызстан. Бишкек. 1996. С. 96.

¹⁹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л., 1950. Т. II. С. 155.

²⁰ Крюков М.В. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1988. С. 239, табл. 2.

²¹ Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири. Центральной

Азии и Дальнего Востока. М., 1961. С. 77, прим. 54.

²² Кюнер Н.В. Указ. соч. С. 74, прим. 28.

²³ Кюнер Н.В. Указ. соч. С. 82, прим. 93.

²⁴ Бичурин Н.Я. Указ. соч. Т. II. С. 222.

²⁵ Крюков Н.В. Указ. соч. С. 259; Бичурин Н.Я. Указ. соч. Т. II. С. 237.

²⁶ Бичурин Н.Я. Указ. соч. Т. II. С. 258.

²⁷ Там же. С. 191.

²⁸ Кюнер Н.В. Указ. соч. С. 77, прим. 51.

²⁹ Бичурин Н.Я. Указ. соч. Т. II. С. 155.

³⁰ Там же. С. 190.

³¹ Зуев Ю.А. К вопросу о взаимоотношениях усуней и Канцзюй с гуннами и Китаем во II пол. I в. до н.э. (поход гуннского банькюя Чжичжи на запад) // Известия АН КазССР, серия ист., Алма-Ата. 1957. С. 62-72.

³² Shiratori K. A Study on Su-te or Sogdiana. In *Memoirs of the Research Department of Toyo BUNKA*. 1928, II, 2, p. 94-97.

³³ Крюков М.В. Указ. соч. С. 235-236.

³⁴ Бичурин Н.Я. Указ. соч. С. 197-198.

³⁵ Там же. С. 198.

³⁶ Зуев Ю.А. К этнической истории усуней // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма-Ата. 1960. С. 12-13.

³⁷ Там же. С. 13.

³⁸ Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории Тюрков. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук. Алма-Ата, 1967. С. 5.

³⁹ Бичурин Н.Я. Указ. соч. Т. II. С. 155.

⁴⁰ Зуев Ю.А. К этнической истории усуней... С. 123.

⁴¹ Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания... С. 5.

⁴² Там же. С. 12.

⁴³ Sinor D. The Legendary Origin of the Turks // *Folklorica. Festschrift for the Felix D. Qinas*. Bloomington, 1982. С. 239.

⁴⁴ Там же. С. 252.

⁴⁵ Зуев Ю.А. К этнической истории усуней... С. 123.

⁴⁶ Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии. Новосибирск, 1978. С. 57.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Указ. соч. С. 126.

⁴⁹ Фоторепродукция, см. Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М.-Л., 1966. С. 19, рис. 12.

⁵⁰ Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе, 1990. С. 43-45.

⁵¹ *Historic Relics of Xinjiang*, 1993. 4, p. 1-14; 1994, 2, p. 1-21.

⁵² Крюков М.В. Указ. соч. С. 236.

⁵³ Сушанло Ф.М. Древняя Крорайна. Комплекс этнокультурных проблем. Бишкек, 1993. С. 50.

⁵⁴ Бернштам А.Н. Основные этапы истории и культуры Семиречья... С. 355; Кибиров А.К. Работа Тяньшаньского отряда. КСИЭ, Вып. XXVI, 1959. С. 110; Агеева Е.И. К вопросу о типах древних

погребений... С. 367.

⁵⁵ Савинов Д.Г. Об этническом определении археологических памятников в эпоху средневековья // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981, С. 99.

⁵⁶ Бернштам А.Н. Культура Семиречья во время Тюркского каганата // Материалы и исследования по археологии. 1950. № 14. С. 74.

⁵⁷ Кушаев Г.А. Отчет Талды-Курганского отряда... С. 215-220, табл. III, IV.

⁵⁸ Обельченко О.В. Насыпи курганов в долине Заравшана (к вопросу о ранней тюркизации Согды) // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. М., 1990, С. 55-56.

⁵⁹ Боталов С.Г. Тюркские кочевники Урало-Иртышья // Культура степей Евразии второй пол. I тыс. н.э. Самара, 1995, С. 14-16.

⁶⁰ Овчинникова Б.Б. К вопросу о захоронениях в средневековой Туве // Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1983. С. 60-68; Трифонов Ю.И. Конструкции древнетюркских курганов Центральной Тувы // Первообитная археология Сибири. Л., 1987, С. 185-193.

⁶¹ Досымбаева А.М. Новые археологические исследования раннетюркских погребений на территории Казахстана // Известия НАН РК. № 4, 1995. С. 58.

⁶² Агеева Е.И. Курганные могильники ранних кочевников северо-восточной части Алма-Атинской области // Известия АН КазССР, серия ист., археол. и этногр. Вып. 3. 1959. С. 85.

⁶³ Досымбаева А.М. Указ. соч. С. 56, рис. 1, 3.

⁶⁴ Максимова А.Г. Цепочка курганов из могильника Караша-I // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970, рис. 3, 4, 9.

⁶⁵ Максимова А.Г. Погребальные сооружения скотоводческих племен... рис. 134.

⁶⁶ Агеева Е.И. К вопросу о типах... С. 35.

⁶⁷ Кибиров А.К. Археологические работы... Рис. 3,3; его же. Работа Тянь-Шаньского отряда... С. 80-81.

⁶⁸ Кушаев Г.А. Отчет Талды-Курганского отряда...

⁶⁹ Байпаков К.М., Подушкин А.Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана. Алма-Ата., 1989.

⁷⁰ Байпаков К.М., Подушкин А.Н. Указ. соч. Табл. IV, V.

⁷¹ Максимова А.Г. и другие... рис. 24, 25.

⁷² Сенигова Т.Н. Орнаментальные узоры на керамических сосудах VI - IX вв // В глубь веков. Алма-Ата. 1974. С. 21-27.

⁷³ Распопова В.И. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины (по материалам раскопок на Ак-Бешиме) // Труды ККАЭ. М., 1960. Т. IV. С. 143.

⁷⁴ Бубнова М.А. Средневековое поселение Актобе I у с. Орловки // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе. 1963. С. 138.

⁷⁵ Левина Л.М. Этнокультурная история восточного Приаралья. М., 1996. С. 189.

⁷⁶ Левина Л.М. Керамика Нижней и Средней

Сырдарьи в I тыс. н.э. М., 1971. С. 241

⁷⁷ Брыкина Г.А. Западная Фергана в первой половине I тыс. н.э. М., 1982. Табл. XXXI, 3, 7.

⁷⁸ Литвинский Б.А. Керамика из могильников Западной Ферганы. М., 1973. С. 165.

⁷⁹ Байпаков К.М. Культ барана у сырдарьинских племен // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980. С. 44-45.

⁸⁰ Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969. С. 316.

⁸¹ Максимова А.Г. Погребальные сооружения... С. 99; Кушаев Г.А. Культура усуней... С. 259; Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984. С. 55-56.

⁸² Бернштам А.Н. Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии // Советская этнография. М., 1947. С. 154-157.

МАТЕРИАЛЫ К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Максимова А.Г. Погребальные сооружения скотоводческих племен // Археологические исследования на северных склонах Каратау. Алма-Ата, 1962.

Ахинжанов С.М. Отчет ЮККАЭ. 1975. Архив Института археологии, Алматы.

Кушаев Г.А. Отчеты Талды-Курганского отряда Семиреченской археологической экспедиции // Архив Института археологии. Алма-Ата, 1966, 1967.

Досымбаева А.М. Новые археологические исследования раннетюркских погребений на территории Казахстана // Известия НАН РК. № 4, 1995.

Агеева Е.И. Курганные могильники ранних кочевников северо-восточной части Алма-Атинской области // Известия АН КазССР, серия ист., археол. и этногр. Вып. 3. 1959.

Григорьев Ф.П. Фонды Центрального Государственного музея Казахстана.

